

Пономарев Степан Иванович

Александр II-й царь освободитель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С79

С79 **Степан Иванович П.**
Александр II-й царь освободитель / Пономарев Степан Иванович – М.: Книга по Требова-
нию, 2026. – 66 с.

ISBN 978-5-519-78996-7

На память о царе-освободителе

ISBN 978-5-519-78996-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

проекту Профессора Лаверецкаго. Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, 23 Февраля 1898 г. докладывалъ о семъ Его Величеству.

Его Величество Государь Императоръ Всемило-
стивѣйше принялъ изображеніе сооружаемаго памят-
ника, на самомъ докладѣ Высочайше соизволилъ Соб-
ственноручно начертать «прочелъ съ удовольствіемъ».

27 Февраля 1898 г. Его Величество принималъ,
въ Зимнемъ Дворцѣ, депутацію Черниговскаго Дво-
рянства, поднесшую двѣ иконы Св. Θεодосія Чернигов-
скаго, въ числѣ коей находился Генералъ-Лейтенантъ
Графъ Милорадовичъ (бывшій Черниговскій Губернскій
Предводитель Дворянства), и Его Величество благода-
рилъ Гр. Милорадовича, за монументъ, воздвигаемый
его Великому Дѣду.

Книжка—Памяти Александра II—Царя Освободи-
теля, была издана въ Кіевѣ въ первый разъ въ
1881 г. и прошла не замѣченною, между тѣмъ какъ
она трогательно—хорошо—изобразила жизнь и дѣя-
нія Царя-Мученика.

Она была подписана «Одинъ изъ народа». Авторъ
ея извѣстнѣйшій въ Россіи библіографъ, многоува-
жаемый Степанъ Ивановичъ Пономаревъ, живущій
съ давнихъ лѣтъ въ г. Конотопѣ, любезно предло-
жилъ мнѣ ее издать вновь.

АЛЕКСАНДРЪ II^{II}

ЦАРЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ.

«Я увѣренъ, что вы сохраните Мнѣ Вашу любовь и преданность навсегда, а когда не станетъ Меня, перенесете ихъ на Наслѣдника Моего».

Вотъ слова Царя-Освободителя, которыя являются теперь духовнымъ завѣщаніемъ...

Всякое завѣщаніе должно быть исполнено, а это тѣмъ болѣе: это завѣщаніе Того, кто для всѣхъ насъ сдѣлалъ столько добра, сколько не сдѣлалъ ни одинъ Царь,—завѣщаніе Того, кто за свою любовь къ Россіи умеръ мученическою смертію... Проходятъ дни, недѣли и мѣсяцы, а предъ глазами нашими неотступно видится Онъ, кроткій Благодѣтель нашъ, падающій подъ злодѣйскимъ ударомъ, среди бѣлаго дня, съ раздробленными ногами и окровавленнымъ лицомъ...

Онъ вѣрилъ, что любовь и преданность къ Нему сохранятся до Его смерти; но общая скорбь о потерѣ Его, но добрыя дѣла въ памяти Его ясно доказываютъ, что Его любятъ и чтутъ и по смерти Его. А любить и почитать есть за что, особенно когда припомнишь себѣ, что сдѣлалъ для насъ Царь-Мученикъ. Если кому неизвѣстно хорошенько, что именно Онъ сдѣлалъ, такъ вотъ послушайте: здѣсь разсказывается коротко и вѣрно, что было до Него и что стало при Немъ.

1) Война, миръ и коронація.

Покойный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ въ 1855 году, 19 февраля. Тяжелое тогда было время. Четыре государства—Турція, Франція, Англія, Сардинія—вели съ нами уже болѣе года войну; приходилось обороняться намъ со всѣхъ сторонъ, иной разъ въ такой дали, что и въ мѣсяцъ войско не дойдетъ, а дорогъ не было—ни желѣзныхъ, ни шоссе; одѣяніе тяжелое, вооруженіе плохое, и продовольствіе пропадало.... Горько было убѣдиться, что все у насъ такъ плохо; стыдно было, что насъ бьютъ; почти всѣ тогда у насъ пали духомъ, и никто не зналъ, что дѣлать. Но Государь съ первыхъ же дней воцаренія ободрилъ всѣхъ. Полный вѣры въ Бога и въ Россію, Онъ тогда же сказалъ петербургскимъ дворянамъ: *«Твердо уповаю, что Богъ милостію Своею сохранитъ Россію.... Не унывать! Я съ вами, вы со Мною. Господь намъ да поможетъ! Не посрамитъ земли русскія»*. Слова эти разнеслись по Россіи и озарили сердца надеждами. Затѣмъ, въ первый же праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, Государь воскресилъ духъ народа Своими милостями: даровалъ множество льготъ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ, простилъ разные долги и недоимки, освободилъ заключенныхъ, отмѣнилъ наказанія, облегчилъ участь преступниковъ, а иныхъ и вовсе простилъ. Тепломъ повѣяло на всѣхъ. Россія зашевелилась, просвѣтлѣла и словно удвоилась. Крѣпче прежняго наши стояли и въ Крыму, и на Бѣломъ морѣ, и за Кронштадтомъ, и на краю Сибири; два раза молодецки отбили непріятельскій штурмъ подъ Севастополемъ; 349 дней защищали его больше грудью своею, чѣмъ земляными насыпями, вооруженными во время самой осады; наконецъ, отбивъ шесть приступовъ въ одинъ день, взорвали городъ, и только пылающія развалины его сдали врагамъ. *«И для героевъ есть невозможное»*, — сказалъ Государь и Самъ поѣхалъ осенью въ Крымъ. Передъ поѣздкой писалъ Онъ Главнокомандующему кн. Горчакову: «Я

строжайшимъ образомъ запрещаю дѣлать какія либо приготовленія для смотровъ войскъ. Они и безъ того много перетерпѣли, и потому не хочу, чтобы прїѣздъ Мой былъ имъ въ тягость. Другой цѣли Я не имѣю, какъ лично поблагодарить васъ самихъ и славныя войска за геройскую оборону Севастополя». Прїѣхалъ Онъ къ войскамъ, и первое слово Его къ нимъ было: *«Я горюлъ нетерпнїемъ видѣть Мою храбрую крымскую армію. Благодарю, ребята, за службу! Именемъ Отца Моего и вашего благодарю васъ»*. И дрожалъ Его звонкій задухеvный голосъ, и войско видѣло, какъ слеза за слезой катились по щекамъ Государя, объѣзжавшаго фронтъ. *«Я горжусь вами—говорилъ Онъ—горжусь, какъ непоколебимою опорой отечества»*. Въ Севастополѣ, у кладбища, гдѣ успокоились кости 130 тысячъ защитниковъ многострадальнаго города, Онъ вышелъ изъ коляски, обнажилъ голову, набожно крестился и быстро смитивалъ набѣгавшія на глаза слезы; наконецъ склонился надъ могильнымъ холмомъ и зарыдалъ какъ ребенокъ... Уѣхалъ Онъ оттуда, долго не отымая платка отъ глазъ. Какъ это потянуло къ нему севастопольцевъ! Чтобы видѣть Его, до ста офицеровъ и 3737 рядовыхъ раненыхъ вышли изъ больницъ и стали во фронтъ, въ одной только 10-й пѣхотной дивизіи. Узнавъ объ этомъ, Государь вздрогнулъ и растроганный пошелъ по рядамъ, осыпая войска благодарностію. *«Я горжусь вами и счастливъ, что могу лично поблагодарить васъ за геройскую службу вашу; давно Я желалъ этого»*. Непрерываемое ура гремѣло въ полкахъ.

«Ура! единымъ появленіемъ
Ты рать Свою одушевилъ!
Прекрасенъ самоотверженіемъ
Явился Ты средь бранныхъ силъ...
Тамъ посѣтилъ страдальцевъ славы,
И язвы ихъ за честь державы
Цѣлилъ отеческой слезой,
И храбрыхъ крестъ, награду боя,

Съ своей груди на грудь героя
Надѣлъ державною рукой!» *).

Осмотрѣвъ войска, Государь посѣтилъ всѣ лазареты и вездѣ благодарилъ, утѣшалъ, награждалъ, иныхъ обнималъ и цѣловалъ; спрашивалъ кавалеровъ и раненыхъ; особенно ласковъ Онъ былъ къ матросамъ, ихъ семействамъ, первымъ защитникамъ Севастополя. Генералъ Семякинъ писалъ потомъ въ частномъ письмѣ: «Государь нашъ, среди солдатъ и офицеровъ, былъ гораздо проще, любезнѣе и добрѣе каждаго изъ нашихъ корпусныхъ». — Полтора мѣсяца пробылъ Онъ въ Николаевѣ и Крыму и наконецъ, оставляя армію, издалъ приказъ, въ которомъ горячо благодарилъ всѣхъ защитниковъ Севастополя. Онъ крѣпко жалъ руки всѣмъ начальствующимъ, благодарно цѣловалъ ихъ, выражалъ безпредѣльное изумленіе геройской службѣ арміи... *«Прощайте! Я бы отъ души желалъ остаться посреди васъ, но это дѣло невозможное»*... и уѣхалъ, обливаясь слезами... Рыданія Его подали надежду на миръ. — Посѣщеніе Его удвоило силы арміи. Непріятель призадумался, притихъ, и ему было тяжело. Всѣ государства видѣли, что ужъ слишкомъ много крови пролито—и дѣла въ застоѣ. Государь нашъ зналъ, что у насъ дома столько неурядицъ, что надо, какъ говоритъ пословица, хоть полу отрѣзать, да избавиться отъ враговъ и на свободѣ заняться своимъ хозяйствомъ... Начались переговоры о мирѣ. Условія мира предложены были намъ тяжелыя; горько было Государю начинать Свое царствованіе принятіемъ ихъ; но миръ въ то время былъ необходимъ для блага Россіи. Не въ могоуту становилось одному противъ четырехъ бороться, а тутъ еще и сосѣдъ былъ хуже врага (Австрія). И Государь, горячо любившій Россію, предпочелъ не легкій миръ тяжелой войнѣ, и въ день Благовѣщенія 1856 года объявилъ народу о заключеніи мира.

«Сердца царей въ десницѣ Бога силъ!

По сердцу прекратилъ Царь бранную тревогу.

*) Это было съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ.

Не побѣдилъ насъ врагъ, вражду Онъ побѣдилъ!

Миръ людямъ на земли и слава въ вышнихъ Богу!»

Въ манифестѣ о мирѣ Государь успокоивалъ всѣхъ, что уступки наши неважны въ сравненіи съ тягостями войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе Державы. Государь выражалъ надежду, что совокупными стараніями Его и всѣхъ подданныхъ благоденствіе Россіи будетъ упрочено; этимъ Государь какъ бы подавалъ руку народу на общую работу. И мысль, что Государь и народъ будутъ вмѣстѣ трудиться надъ поднятіемъ Россіи изъ развалинъ, сильно поощрила народное чувство, и народъ радостно устремился къ своему молодому Государю.

Только послѣ заключенія мира Государь назначилъ день Своего коронованія—26 августа 1856 года. Передъ коронаціей, въ Москву прислано было со всѣхъ концовъ Россіи до *тридцати пяти тысячъ* всеподданнѣйшихъ прошеній. Узнавъ объ этомъ наканунѣ коронаціи, Государь со слезами на глазахъ обратился къ статсъ-секретарю и сказалъ ему: *«Боже, сколько нуждающихся! Постарайтесь, прошу васъ, сдѣлать для каждого все, что только возможно»...*

А самый день коронаціи былъ день такой всеобщей радости, такихъ щедрыхъ и великихъ милостей, какъ никому и во снѣ не грезилось. Царскій манифестъ о коронаціи... это не манифестъ былъ, а какой-то праздничный, высокаторжественный благовѣстъ, въ которомъ слова *«отмѣнить, простить, возвратить»* звучали всего громче и веселѣе. Слушая ихъ, люди плакали отъ радости, и слезы мѣшали читать добрыя строки о святыхъ безчисленныхъ милостяхъ. И какъ было не плакать! Сердце Государя обняло весь народъ, согрѣло и обласкало людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, отыскало несчастныхъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи, и озарило ихъ отрадой и надеждой. За чтеніемъ манифеста чужіе, незнакомые становились какъ бы одною семьею; разныя сословія собирались вмѣстѣ и пировали, сіяя восторгомъ; праздникъ Царя былъ

праздникомъ всякаго; весь народъ единодушно благословлялъ своего Отца-Государя. Вотъ одно тогдашнее слово объ этой порѣ:

«Шумя народъ ликуетъ вновь,
Повсюду радость, счастье льется,
Съ ступеней трона раздается
Прощенье, милость и любовь.
Въ страну снѣговъ и заустѣнья,
Въ страну изгнанья и скорбей
Достигло слово всепрощенья,
Звучить залогомъ избавленья
Отъ мукъ, страданій и цѣпей.
И всюду кликъ благодаренья,
Все блещетъ, движется, живетъ.
И въ храмъ молиться съ умиленьемъ
За жизнь Царя, въ живомъ волненіи,
Стремится радостный народъ.
И мы съ душой нелицемѣрной
Къ Тебѣ, Богъ истины и силъ,
Несемъ слова мольбы усердной:
Чтобъ Ты хранилъ защитой вѣрной
Того, Кто правду возлюбилъ,
Кто міру миръ далъ и свободу,
Кто свѣтъ науки оживилъ
И вновь объятія народу
Съ любовью отческой открылъ»...

2) Освобожденіе крестьянъ.

Послѣ коронаціи Государь обратилъ свое вниманіе прежде всего на простой народъ, на крестьянъ. Онъ видѣлъ въ нихъ главную силу, на счетъ которой жило все государство, а между тѣмъ они были въ забвеніи, въ загонѣ. Крѣпко жаль и больно Ему было видѣть ихъ въ тяжеломъ положеніи. Около 23 милліо-

новъ народа, со всѣми его семействами, принадлежало помѣщикамъ. Крѣпостные крестьяне, вмѣстѣ съ государственными, составляли почти половину тогдашняго населенія Россіи: помѣщиковъ же насчитывалось около 100 тысячъ. Земля, на которой жили крестьяне, была помѣщичья; за пользованіе ею и за то, что помѣщики платили за крестьянъ подати, крестьяне имъ по нѣсколькимъ дней въ недѣлю даромъ работали, давали подводы, доставляли имъ птицу, скотъ, приносили масло, яйца, пряжу, холсты и многое другое, безъ всякой платы и безъ спасибо. Пользуясь всѣмъ этимъ, помѣщики еще могли продавать самихъ крестьянъ, наказывали ихъ тѣлесно, сдавали по произволу въ солдаты, ссылали на поселеніе. Крестьяне не могли сами собою жениться, ни распоряжаться своимъ добромъ, ни дѣлать завѣщаній и не находили себѣ защиты отъ самыхъ жестокихъ притѣсненій; иногда они и пробовали жаловаться, да толку не было: суды были совсѣмъ не такіе, какъ теперь; притомъ помѣщики, гдѣ надо, деньгами все замазывали. Но покойный Государь имѣлъ у Себя хорошихъ наставниковъ (за одного изъ нихъ—Василія Жуковскаго—всѣ, братцы, молитѣ Бога), многое Государь слышалъ отъ нихъ, иное читалъ Самъ, много ѣздилъ по Россіи, былъ и въ Сибири,—и зналъ Онъ довольно горе народное. Онъ былъ свидѣтелемъ постоянныхъ заботъ Своего Отца, императора Николая, какъ бы освободить крестьянъ. Императоръ Николай, обладавшій желѣзною волею и твердымъ характеромъ, хотѣлъ потому еще совершить освобожденіе, что онъ не надѣялся, чтобы такое трудное дѣло могло быть исполнено послѣ его смерти. Онъ шесть разъ собиралъ комитеты, издалъ болѣе ста постановленій, а дѣло почти съ мѣста не тронулось. Все-таки Его мѣры расшатывали крѣпостное право; слухи о свободѣ проникали въ общество, доходили до крестьянъ, крестьяне иногда волновались, сопротивлялись помѣщикамъ, бѣжали отъ нихъ; правительство часто затруднялось, чью сторону держать ему; помѣщики опасались и правительства и крестьянъ;—словомъ сказать: крѣпостное право становилось не-

удобнымъ и для крестьянъ, и для помѣщиковъ, и для правительства. Вотъ почему мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права давно уже занимала Государя Александра Николаевича. А послѣ заключенія мира, Ему прежде всего захотѣлось исполнить то, что покойный Родитель Его всегда желалъ. Онъ обратился къ дворянамъ съ милостивымъ выраженіемъ полного довѣрія, старался привлечь ихъ къ Себѣ и посредствомъ ихъ произвести освобожденіе крестьянъ. *«Я увѣренъ—говорилъ Онъ—что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ благороднымъ сословіемъ и будетъ въ началѣ всего доброю... Крѣпостное право не можетъ продолжаться вѣчно, и потому лучше, чтобы это преобразование сдѣлалось сверху, чѣмъ снизу»*. Сначала Онъ почти никого не имѣлъ, кто бы помогъ Ему, а было очень много людей, которые употребляли всѣ усилія, чтобы помѣшать Ему. *«Но дѣло это—говорилъ Государь—Меня постоянно занимаешь; надо довести его до конца; Я больше чѣмъ когда либо рѣшился»*. И началъ Онъ его скромно и осторожно; многіе думали, что оно станетъ; но Государь не упускалъ случаевъ подвигать его, подбиралъ сочувствующихъ людей, настаивалъ, чтобы не откладывали дѣла въ дальній ящикъ, назначилъ Своего Брата членомъ, потомъ предсѣдателемъ комитета и не разъ повторялъ: *«Это моя непремѣнная воля... Я желаю только блага Россіи»*. Первые вызвались на это дѣло дворяне западныхъ губерній, потомъ нижегородскіе, петербургскіе, московскіе, а за ними и всѣ другіе стали соглашаться на волю крестьянъ, только безъ земли; но Государь хорошо понималъ, что бездомные крестьяне будутъ вредны и для помѣщиковъ и для государства, что безъ земли крестьянамъ не прожить, и убѣждалъ дворянъ уступить нѣкоторую часть земли, по выкупу, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при помощи казны. Государь твердо настаивалъ на томъ, чтобы надѣлить крестьянъ землею. Онъ поручилъ помѣщикамъ въ каждой губерніи составлять изъ себя комитеты для обсужденія, какимъ бы родомъ лучше его устроить. Весьма трудно было вести это дѣло, трудно

по самой обширности Россіи, по разнородности ея населенія и обычаевъ, по недостатку необходимыхъ свѣдѣній, по затруднительности путей сообщенія и проч. Ну, спасибо добрымъ людямъ: поддержали они Царя. Почти 4 года думали надъ этимъ дѣломъ выборные дворяне по 46 губерніямъ, потомъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ со многими вельможами. Позволивъ обсуживать и измѣнять разныя подробности дѣла, Государь отнюдь не позволялъ измѣнять его главнаго смысла, т. е. освобожденія съ землею. *«Съ этимъ дѣломъ—говорилъ Онъ—связано будущее благо Россіи: Я увѣренъ, что вѣрное Мое дворянство съ усердіемъ будетъ Мнѣ содѣйствовать. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ Я это дѣло. Я знаю, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій; но Я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно меньше чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія».* Наконецъ дѣло поступило въ Государственный Совѣтъ на окончательное разсмотрѣніе; тамъ Государь сказалъ превосходную рѣчь и между прочимъ вотъ что: *«Я желаю, чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ... Откладывать этого дѣла нельзя. Это Моя непремѣнная воля, чтобъ дѣло это теперь же было кончено... Я не могу не удивляться и не радоваться тому довѣрію и спокойствію, какое высказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ... Я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и Я счастливъ, что Мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ предъ потомствомъ. Я готовъ принять ваши замѣчанія, но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагахъ, а на самомъ дѣлѣ. Крѣпостное право у насъ прежде не существовало: право это установлено Самодержавною Властью, и только Самодержавная Власть можетъ уничтожить его, а на это есть Моя прямая воля. Я не скрывалъ отъ Себя и не скрываю всѣхъ затрудненій; но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный*